

Т.Т.Савченко, Е.А.Абдрахманова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букедова (E-mail: jul_art@mail.ru)

Интерпретация образа князя Мышкина в современном литературоведении: к постановке проблемы

В статье рассмотрена интерпретация образа князя Мышкина в современном литературоведении. Авторами выделены три основных направления в истолковании главного героя романа «Идиот». Особый акцент сделан на новом направлении в изучении творчества Ф.М.Достоевского, связанном с христианством. В работе осмыслен образ Мышкина в контексте евангельской парадигмы. Сделаны первые шаги в анализе любовного сюжета, который предстает в романе в христианском освещении.

Ключевые слова: интерпретация, герой, положительный герой, традиционалистские концепции, евангельский текст, евангельская парадигма, христианское литературоведение.

Роману Ф.М.Достоевского «Идиот» посвящено немало исследовательских работ. Процесс формирования различных интерпретаций романа, прежде всего, связан с характеристикой главного героя. Обычно достоееды дают оценку главного героя, опираясь на высказанную писателем в подготовительных материалах к роману цель — изобразить «положительно прекрасного человека». Речь идет о знаменитых строчках из письма писателя С.А.Ивановой от 1(13) января 1868 года: «Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение положительно прекрасного, — всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, — ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо — Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо. (Все Евангелие от Иоанна в этом смысле; он все чудо находит в одном воплощении, в одном проявлении прекрасного). Но я слишком далеко зашел» [1; 51]. Отсюда и традиционалистские концепции в интерпретации образа как «положительно прекрасного человека», как аллюзии на образ Дон Кихота и Христа: «Он идиот — дурак — дурачок, уродик, юродивый, больной человек, человек странный, чудак, безответственный, пентюх, овца, агнец, младенец, дитя, — пишет Ю.Селезнев. — Он же — утопист, идеолог, славянофил, — рыцарь бедный, — Дон-Кихот, Христос» [2].

Достоевский был убежден в том, что идеалом человека на земле является Иисус Христос, о чем он пишет в одном из своих писем: «Я скажу Вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [1; 176].

Однако большинство современников писателя не находили в образе Мышкина сходства с Христом и советские литературоведы не уделяли внимания черновым пометам Достоевского о «князе Христе». Зачастую изображение главного героя изучалось в качестве творческого эксперимента писателя в создании им абсолютно положительного человека. Глубинный нравственный образ главного героя, его гуманизм, тяготение к всеобщей гармонии рассматривались исследователями как естественные составляющие при типичном изображении идеального героя. Противопоставленность остальным героям, противостояние всему окружающему обществу, контраст, на котором зиждется образ князя Мышкина, — все это, по мнению советских исследователей, следствие романтической обрисовки главного героя. Таким образом, долгое время Мышкин рассматривался в качестве идеального романтического героя, мечтающего изменить мир людей, несущего свет и смирение, но совершенно

потерявшегося в том лицемерии, поклонении материальным ценностям, лжи, неверии, которые присутствуют повсюду.

В 80–90 гг. XX века укрепляется концепция интерпретации князя Мышкина не только в качестве «положительно прекрасного человека», а как аллюзии на Дон Кихота и бедного рыцаря. Так, советская идеология препятствовала объективному восприятию и научной оценке мировоззренческих позиций писателя, что является ошибочным при изучении творчества Достоевского, так как очевидна необходимость акцентирования внимания на неразрывной связи человека с Богом, отраженной в произведениях писателя.

Позднее, к концу XX века, исследователи стали обращаться к религиозной тематике в романе в контексте христианства. При тщательном изучении черновых записей писателя, подробном анализе главного героя, многие литературоведы стали проводить параллель между Христом и князем Мышкиным, который становится теперь аллюзией на образ Иисуса Христа. Возникли новые направления в исследовании творчества Достоевского, которое стало изучаться в контексте христианской морали. Оно было названо «религиозной филологией», или «религиозным литературоведением».

В XXI веке наряду с религиозным подходом появляется новое направление в интерпретации князя Мышкина, отрицающее связь главного героя с Иисусом Христом, а также оспаривающее изображение Мышкина как «положительно прекрасного человека». Это так называемые «постмодернистские» версии в трактовке князя Мышкина, которые приводятся в двух сборниках, выпущенных в Москве [3] и Иваново [4]: «материалист и безбожник» (Е.Трофимов), «суррогат Христа» (О.Меерсон), «самозванец» (К.Степанян), «лицемер» (А.Мановцев). Существующие в романе противоречия многими исследователями понимаются буквально. Так, Т.А.Касаткина в статье «Роль художественной детали и особенности функционирования слова в романе Ф.М.Достоевского «Идиот» обвиняет князя Мышкина в том, что он переносит смертельный удар Рогожина с себя на Настасью Филипповну своим криком «Парфен, не верю!..» [3; 82–96]. Другим примером интерпретации главного героя является позиция Е.Местергази в статье «Князь Мышкин и проблема веры в романе «Идиот», согласно которой имя Мышкина во французской версии звучит как Leon, при чтении наоборот получается Noël, т.е. Рождество. Таким образом, Мышкин несет в себе Рождество наоборот, а это значит смерть. Автор статьи утверждает, что «ложью оказалось то духовное основание, которое сформулировало личность князя». «Для Лебедева князь — человек, «сам себя обокравший» своим неверием в бога и наказанный им за это безумием» [3; 309]. Несколько некорректно и даже странно приписывать Достоевскому подобную тайнопись и игривость ума. Однако в том же сборнике приводятся несколько статей, авторы которых обстоятельно рассматривают несовпадение замысла и исполнения, нестыковки и ошибки, допущенные Достоевским в произведении. Так, Гэри Сол Морсон в статье «Идиот», поступательная (процессуальная) литература и темпикс» изучает герменевтику изъяснов романа, называя свой подход термином «темпикс», и, в конечном счете, приходит к выводу, что Достоевский действительно изображает «положительно прекрасного человека», но это, по его словам, еще не говорит о том, что Мышкин и есть Христос. Карен Степанян в статье «Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот» говорит об эволюции князя Мышкина от юродивого к безумцу, приводя доводы в пользу того, что весь роман есть лишь доказательство от противного ложности концепции Христа-человека: «Для Достоевского объяснение безумия (возвращения в состояние клинического идиотизма) Мышкина заключается именно в том, что Христом-Победителем и Спасителем мира может быть только Богочеловек» [3; 162]. Статья А.Мановцева «Свет и соблазн» посвящена мысли о том, что Достоевский не считал Мышкина «положительным примером», даже напротив, князь представляет собой сатану, принимающего вид Ангела, несущего тьму, а не свет, и вводящего таким образом и героев романа, и читателей, и даже некоторых исследователей в заблуждение относительно своей нравственной природы [3; 256–285]. Немалое удивление вызывает попытка В.П.Океанского в работе «Локус Идиота: введение в культуруфонии равнины» связать образ главного героя не с христианской традицией, а с буддийской и мусульманской мистикой. Тихий, кроткий, голубоглазый, белокурый герой с белой бородкой предстает здесь в роли «блаженного гуру»: «Перед нами мистик-суфий, наделенный глубокой апофатической интуицией» [4; 184]. По мысли автора, Мышкин проходит «инициастическое приобщение русскому долу через причастие символической чаши-равнины, бесповоротно приобщающей его к Бездне» [4; 183].

Немало современных исследователей творчества Достоевского подвергли критике изложенные выше трактовки образа главного героя, продолжая и развивая христианскую концепцию, связанную именно с православным подтекстом в осмыслении образа князя Мышкина. Среди них

Н.А.Арсентьева, которая в статье «Крик осла» и «локус идиота»: размышления над межвузовским сборником научных трудов «Роман Достоевского «Идиот»: Раздумья, проблемы» рассматривает появившуюся в последние годы постмодернистскую нетрадиционную методологию, которая получила название «дионисийство». По мнению автора, данное направление совершенно не имеет под собой научного обоснования, объективности, а строится лишь на домыслах, догадках, мистических и интуитивных предположениях. Таким образом, достоверность подобных исследований снижена и не представляет собой филологической ценности [5].

Как одно из свидетельств хриstopодобия видит Н.Н.Соломина-Минихен в статье «Я с человеком прошусь. (К вопросу о влиянии Нового Завета на роман «Идиот»)» эпилептическую болезнь Мышкина, называя ее «священной болезнью»: «по идеалистическому взгляду, получившему глубокое отражение в «Идиоте», аура, непосредственно предшествующая припадку, — знак посещения Божия» [4; 353]. О символичности болезни героя говорит и Григорий Померанц: «В болезни Мышкина, как и в распятии, есть что-то очень глубокое и неустрашимое, относящееся не только к форме романа, но и к праформам самого бытия. «В страдании есть идея», есть, может быть, обнаружение Бога, страдающего вместе с миром, и не единожды на Голгофе, а каждый миг, в каждой твари» [6; 277].

Близкое к православному сознанию объяснение образа главного героя дает профессор Московской духовной академии М.М.Дунаев: «Путь к обретению красоты Христовой лежит именно через обожение — конечную цель земного бытия, как понимает это Православие. Достоевский выводит в мир человека необоженного. И такой человек не может не потерпеть конечного поражения в соприкосновении со злом мира» [7].

Исследователь романа «Идиот» А.Е.Кунильский в работе «Опыт истолкования литературного героя (роман Ф.М.Достоевского «Идиот»)» пишет об особом принципе создания и изображения образов положительных героев — принципе «снижения» [8; 5]. Если следовать данной теории, то невозможно говорить о неких случайностях и ошибках со стороны писателя при создании им образа Мышкина, так как принцип «снижения» умышленно использовался Достоевским в целях изображения целостного, живого и последовательного героя. Н.М.Чирков также считал, что неоднозначность главного героя полностью соответствует авторской установке: «В образе Мышкина снова возвращается коренная для Достоевского проблема многосторонности ощущений, совмещения противоположностей... Достоевский явно сознавал, что в современном ему мире этот человек не может быть полностью гармоничным, известная ущербность является для него неизбежной» [9].

Рассуждения в контексте принципа «снижения» позволяют понять, отчего Достоевский зачастую допускает противоречие в изображении Мышкина: «Глаза его были большие, голубые и при-стальные; во взгляде их было что-то тихое, но тяжелое...» [10]. Писатель наделяет главного героя не «чистой» родословной: отец Мышкина был обвинен. Вспомним высказывание князя по поводу проданной им торговцу бриллиантовой булавки: «Он дал мне восемь франков, а она стоила верных сорок» [10; 60]. По мнению А.Е.Кунильского, данный прием потребовался Достоевскому «для того, чтобы углубить представление о герое, не вызвать в сознании читателя плоский, одномерный образ существа «не от мира сего» [8; 14]. Поэтому «положительно прекрасным человеком» для Достоевского становится именно князь Мышкин, так как образ его эстетически не завершен и морально не самодостаточен, ведь прекрасное в представлении писателя — это категория не статическая, а динамическая. Для Достоевского важно, чтобы главный герой нес в себе заветные, общие для всего человечества нравственные ценности, но при этом не был схематичен, ведь писатель не дает готовых рецептов для счастья, так как уверен, что человек должен самостоятельно прийти к основам счастливого бытия. Познание истины есть процесс длительный и опосредствованный, нельзя требовать от искусства прямого воздействия на читателя.

В главе «О христианском контексте в романе Ф.М.Достоевского «Идиот» А.Е.Кунильский размышляет о распространенной у некоторых литературоведов попытке отвергнуть версию о Мышкине как о «Князе Христе». Происходит это, по мнению ученого, на основании безрезультатного и даже пагубного участия главного героя в жизни всех остальных участников произведения. Однако автор статьи проводит параллель с Иисусом Христом, которому также не удалось исправить судьбы людей и изменить их к лучшему, доказывая, таким образом, некоторую несостоятельность подобных опровержений: «если оставаться в рамках религиозного сознания, то следует признать, что потерять жизнь — не самое страшное <...>. И Мышкин все-таки способствовал возрождению Настасьи Филипповны. Не случайными оказываются ее имя (Анастасия — воскресение) и фамилия Барашкова (напоминание о жертвенном агнце, т.е. и о Христе)» [8; 76]. И далее автор статьи говорит о преобра-

жени Настасьи Филипповны, ее воскрешении и очищении. Также, по его мнению, заметно положительное влияние Мышкина и на представителей молодого поколения — Колю Иволгина и Веру Лебедеву, автор называет это «цепной реакцией добра». О влиянии имени А.Е.Кунильский говорит еще не раз в своей статье. Так, он обращает внимание на оксюморон в полном имени главного героя — Лев Николаевич Мышкин: «Имя «Лев» содержит представление о силе, царственном и даже божественном могуществе (примем также во внимание, что «лев» становится эмблемой Иисуса Христа), фамилия «Мышкин» — о слабости, отчество «Николаевич» — о победительности (Николай — побеждающий народ). Получается — победительная сила слабости» [8; 74]. Ху Сун Вха в статье «Положительно прекрасный человек. (Тайна князя Мышкина)» также обращает внимание на странное сочетание льва и мыши в имени главного героя, считая это прямым доказательством евангельской трактовки героя. Автор считает Мышкина «Адамом до его грехопадения в современной насквозь греховой действительности... Герой — человек в чистом, первоначальном состоянии, человек, чью красоту не затмила грязь греха» [11].

Помимо имени особое внимание А.Е.Кунильский уделяет немаловажному значению самого названия романа. Приведя несколько толкований слова «идиот», автор приходит к выводу, что оно полно тайного смысла. Презрительное значение слабоумия пришло с Запада в эпоху восстания против христианства и разрушения христианских ценностей. Основное же значение данного слова — «мирянин» — впоследствии совершенно забытое. Именно в таком значении употребляет его апостол Павел в 1-м Послании к Коринфянам, т.е. в значении «рядовой, не облеченный духовным саном, член христианской церкви». Таким образом, «слово «идиот», со всем множеством значений и историей его восприятия, поразительно соответствует христианской природе образа Мышкина и поэтики Достоевского» [8; 85]. В заключение автор пишет, что Достоевский и не пытался изобразить пришествие Христа в образе Мышкина, поэтому «бестактным выглядит заявление, что «Христос из Мышкина не получился» [8; 84].

Проблема образа князя Мышкина в евангельском контексте и по сей день остается неоднозначно решаемой. Растет интерес к ней в современном литературоведении. Известны высказывания Достоевского о том, что прежде, чем проповедовать религию голодным и измученным скитальцам, уж лучше сначала накормить и отогреть их. Известно и его презрительное отношение ко всякого рода канонам и общепринятым в религии догмам, неприятие и осуждение им католицизма. Г.С.Померанц в работе «Открытость бездне. Встречи с Достоевским» пишет: «Мышкин ставит нам вопрос <...>: как войти в незримую церковь, без окон и дверей, без правил приема <...>, не признающую никаких постановлений, никаких справок? Как избежать общей, соборной гордыни, гордыни вероисповедания, зачеркивающей самое искреннее личное смирение? Мышкин говорит о Боге, не повторяя ни одной затверженной формулы, возрождая только общий склад того языка притч, на котором говорил Христос (тоже не повторявший Писания). Ничего от горы или от храма — все только от Духа и Истины. И Дух веет, где хочет, и вера живет по ту сторону вероисповеданий... Мышкин не от церкви, а прямо от Бога, от ангельской красоты мира, вошедшей в больную душу и отразившейся в ней (может быть, именно благодаря молчанию разума) Божьим ликом» [6; 287–301]. Возможно, посредством изображения князя Мышкина великий писатель пытается помочь каждому раскрыть в себе часть Христа, т.е. то доброе и прекрасное, которое человек привык прятать, натягивая ежедневно маску неверия, страха, черствости и озлобленности по отношению ко всему окружающему миру.

Наше понимание образа князя Мышкина обращено к выявлению и анализу главного, на наш взгляд, в его характере и поведении. Рассматривая связь князя Мышкина с Иисусом Христом, мы обращаем внимание на общее между великим пророком человечества и болезненным героем Достоевского. Совершенно очевидно, что образ Мышкина сложен, полон нравственной силы, которая неустанно привлекает исследователей. Эта великая и могучая сила есть особый дар Мышкина, то общее, что позволяет сравнивать его с Христом, — Божественная любовь. Любовь, которая является сущностью учения Иисуса Христа. Иисус сказал: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим». Сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Евангелие от Матфея 22:37–40). При всем том противоречии, которое можно отыскать во внешности, поведении, речи князя, он умеет любить всепрощающей, смиренной, истинной, христианской любовью, всегда готовой прийти на помощь даже творящему зло, принимающей в сердце свое убогих, жертвующей, приносящей себя в забвение ради спасения пусть не целого мира, но хоть ближних своих. О такой любви говорит апостол Павел в 1-м Послании к Коринфянам (13:4–

5): «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает...».

В записных книжках, которые представляют собой наброски ко второй редакции 12 марта 1868 г., Ф.М.Достоевский сформулировал мысль о том, что в романе «Идиот» три любви: страстно-непосредственная любовь — Рогожин; любовь из тщеславия — Ганя; любовь христианская — Князь. Именно христианское, а не привычное земное чувство испытывает князь Мышкин к героиням романа. Он пытается воскресить падшую Настасью Филипповну, в ходе развития сюжета оказывает влияние на каждого из героев, и влияние значительное, направленное в сторону человечности. Отсюда и нерешительность его, страх обидеть, желание поступать таким образом, чтобы всем бытием и сущностью своей приносить людям добро и покой. Князь жертвует собой, своим счастьем ради счастья окружающих, пытается спасти Настасью Филипповну от насмешек общества, женившись на ней и дав ей свое честное имя. Он оправдывает безнравственные поступки героев романа, искренне убежден в доброте окружающих. Это делает его в глазах общества странным, чудачком, юродивым. Но эта особенность героя обнаруживает сходство его с Иисусом Христом. Внешний облик героя тоже напоминает Христа: Мышкин бледный, с впалыми щеками, с легонькой, востренькой бородкой, большими и пристальными глазами. Его бедность и болезненность несут в себе оттенки пережитых страданий, родственных христианскому идеалу. Мышкин не просто приезжает в Россию, он будто снизошел к людям с горных вершин Швейцарии. История Мари, побиенной камнями односельчан, которую он рассказывает уже в петербургском салоне, напоминает евангельскую историю о Марии Магдалине, смысл которой — сострадание к согрешившей. Также, подобно своему евангельскому прообразу, Мышкин погибает в современном мире страстей и равнодушия, не сумевшем принять его чистую, детскую душу с трогательными и хрупкими мечтами — преобразить этот мир и облегчить страдания окружающих людей.

Среди представленных на сегодняшний день исследований, посвященных интерпретации образа князя Мышкина, много противоречий, но, тем не менее, становится неоспоримой тенденция рассматривать главного героя в контексте евангельской парадигмы. Данный аспект является актуальным и недостаточно изученным, так как влияние Библии на творчество Достоевского только начинает формироваться в предмет специального рассмотрения в литературоведении, ввиду несомненного факта взаимодействия сакрального текста и творчества великого писателя. Значительный шаг в данном направлении сделан современными достоеведами Ю.Карякиным [12] и В.Ляху [13], которые посвятили долгие годы изучению формирования религиозно-философских и эстетических взглядов Ф.М.Достоевского. Библейский подход к осмыслению образа главного героя требует привлечения широкого контекста и погружения в сложную систему текста и его вариантов.

Список литературы

- 1 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30-ти т. — Т. 28. — Кн. 1, 2. — Л., 1985.
- 2 *Селезнёв Ю.И.* В мире Достоевского. — М.: Современник, 1980. — С. 228.
- 3 Роман Ф.М.Достоевского «Идиот». Современное состояние изучения: Сб. работ отечественных и зарубежных ученых / Под ред. Т.А.Касаткиной. — М., 2001. — 560 с.
- 4 Роман Ф.М.Достоевского «Идиот»: Раздумья, проблемы: Межвуз. сб. науч. тр. — Иваново, 1999. — 169 с.
- 5 *Арсентьева Н.А.* «Крик осла» и «локус идиота»: размышления над межвузовским сборником научных трудов «Роман Достоевского «Идиот»: Раздумья, проблемы // Достоевский: Материалы и исследования. — № 17. — СПб., 2005. — С. 376.
- 6 *Померанц Г.С.* Открытость бездне. Встречи с Достоевским. — М.: Сов. писатель, 1990. — 384 с.
- 7 *Дунаев М.М.* Православие и русская литература. — Т. 3. — М., 1997. — С. 389.
- 8 *Кунильский А.Е.* Опыт истолкования литературного героя (роман Ф.М.Достоевского «Идиот»): Учеб. пособие. — Петрозаводск, 2003. — 96 с.
- 9 *Чирков Н.М.* О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. — М.: Наука, 1967. — С. 142–144.
- 10 *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30-ти т. — Т. 8. — Л., 1985. — С. 6.
- 11 *Ху Сун Вха.* Положительно прекрасный человек. (Тайна князя Мышкина) // Русская литература. — № 2. — СПб., 2001. — С. 138.
- 12 *Карякин Ю.Ф.* Достоевский и Апокалипсис. — М.: Фолио, 2009. — 700 с.
- 13 *Ляху В.* Люциферов бунт Ивана Карамазова. Судьба героя в зеркале библейских аллюзий / Сер. Богословские исследования. — М.: Библейско-богословский ин-т Св. апостола Андрея, 2011. — 282 с.

Т.Т.Савченко, Е.А.Әбдірахманова

Қазіргі әдебиеттанудағы князь Мышкиннің бейнесін талдау: мәселенің қойылуы

Мақалада қазіргі әдебиеттанудағы князь Мышкиннің бейнесі талданды. Авторлар «Идиот» («Нақұрыс») романының бас кейіпкерін талдаудағы үш негізгі бағытты айқындаған. Ф.М.Достоевский шығармашылығын зерттеудегі христиандықпен байланысты жаңа бағытқа ереше назар аударған. Мышкин бейнесі інжілдік парадигма мәнінде зерделенді. Романда христиандық тұрғыдан көрінетін махаббат сюжетін талдаудағы алғашқы қадамдар жасалған.

T.T.Savchenko, E.A.Abdrahmanova

Interpretation of an image of prince Myshkin in modern literary criticism: to problem statement

The article considers the interpretation of the image of Prince Myshkin in modern literary studies. The author identifies three main areas in the interpretation of the main character of the novel «Idiot». Particular emphasis is placed on a new direction in the study of creative work of Dostoyevsky F.M. that is associated with Christianity. In the work the image of Myshkin is comprehended in the context of evangelical paradigm. The first steps in the analysis of a love story are made, which appears in the novel in a Christian presentation.

УДК 82.02

О.Ю.Загинайко

*Институт магистратуры и докторантуры PhD
Казахского национального университета им. Абая, Алматы (E-mail: olga_zaginaiko@mail.ru)*

Поэтика речевого поведения персонажа в военной прозе XX века

В статье рассмотрена история развития темы войны в литературе от мифологии до современности. Представлены четыре компонента изучения речевого поведения персонажа: нарративный дискурс, внешняя речь персонажа, внутренняя речь персонажа и тезаурус речевого портрета персонажа. Материал сопровождается примерами из произведений о Великой Отечественной войне (В.Некрасов, Б.Момышулы, К.Воробьев) и о локальных конфликтах в Афганистане и Чечне (З.Прилепин, А.Проханов).

Ключевые слова: речевое поведение, военная проза, нарративный дискурс, внешняя и внутренняя речь персонажа.

Тема войны является одной из вечных тем в искусстве и в литературе. Её истоки мы находим в мифах о героях, которые выделяются в любой национальной мифологии. Дальнейшее своё развитие эта тема получает в фольклоре. Героический эпос, былины, легенды и сказания, исторические песни и волшебные сказки по-разному разрабатывают сюжеты о военных походах и битвах.

В начальный период развития литературы, которая получает название «древняя литература», формируется новая жанровая система, в которой особое место занимают рыцарские романы и повести, воинские повести, повести об осаде городов и междоусобных войнах. Повествование в воинских повестях было очень лаконично, использовалась «прямая речь героев, отражающая различные сферы разговорного языка, в том числе и выработавшие определенную устойчивую традицию, например, речи послон, княжеские речи к воинам перед битвой, речи на пирах» [1].

Н.И.Прокофьев выделил ряд признаков воинской повести древнерусской литературы: эпичность жанра, историзм событий и персонажей, построение на основе логико-художественной обусловленности или по хронологии, включение внутрь повести других литературных форм, преимущественное внимание к событиям, а не к их участникам, реально-правдивый способ изображения [2]. Как допол-